Герберт Уэллс

ОСТРОВ ДОКТОРА МОРО

Герберт Джордж Уэллс

Остров доктора Моро

«Автор»
2026

Уэллс Г.

Остров доктора Моро / Г. Уэллс — «Автор», 2026

Пережив страшное кораблекрушение в южных морях, путешественник Эдвард Прендик чудом спасается и попадает на затерянный вулканический остров, не нанесенный ни на одну карту. Единственные люди здесь — загадочный доктор Моро и его угрюмый помощник Монтгомери. Много лет назад блестящий лондонский физиолог Моро был изгнан из научного сообщества за жестокие опыты над животными.Вдали от цивилизации, в глубине тропических джунглей, ученый возомнил себя творцом. С помощью вивисекции он пытается перекроить саму природу, превращая диких зверей в мыслящих существ. Но хрупкий баланс рушится, когда древние инстинкты оказываются сильнее навязанного человеческого Закона, а таинственный Дом Страданий раскрывает свои мрачные секреты.Бессмертный научно-фантастический триллер Герберта Уэллса о границах морали и цене научного прогресса — в новом, живом художественном переводе.

© Уэллс Г., 2026
© Автор, 2026

Содержание

I 6
II 8
III 10
IV 13
V 15
VI 17
VII 20
VIII 23
Конец ознакомительного фрагмента. 24

Герберт Джордж Уэллс
Остров доктора Моро

«Дейли Ньюс», 17 марта 1887 года.

1 февраля 1887 года «Леди Вейн» затонула, столкнувшись с брошенным дрейфующим судном примерно на 1° южной широты и 107° западной долготы.

5 января 1888 года, то есть спустя одиннадцать месяцев и четыре дня, моего дядю, Эдварда Прендика, частного джентльмена, который, без сомнения, поднялся на борт «Леди Вейн» в Кальяо и которого давно считали погибшим, подобрали на 5°3′ южной широты и 101° западной долготы. Он плыл в маленькой открытой шлюпке с неразборчивым названием; предположительно, она принадлежала пропавшей шхуне «Ипекакуана». Рассказ о своих злоключениях он вёл столь странный, что его сочли помешанным. Позднее он уверял, что с момента бегства с «Леди Вейн» в его памяти зияет пустота. Среди психологов о его случае тогда много говорили как о любопытном примере провала памяти, вызванного телесным и душевным истощением. Приводимое ниже повествование обнаружил в его бумагах нижеподписавшийся, его племянник и наследник, но никакой определённой просьбы об издании к рукописи приложено не было.

Единственный известный остров в тех водах, где подобрали моего дядю, — остров Ноубла, небольшой необитаемый вулканический островок. В 1891 году к нему подходил корабль Её Величества «Скорпион». Высадившиеся матросы не нашли там ничего живого, кроме диковинных белых мотыльков, нескольких свиней и кроликов да довольно необычных крыс. Выходит, в самом существенном рассказ этот не подтверждён. Памятуя об этом, я не вижу вреда в том, чтобы предложить столь странную историю читателям — как мне кажется, в согласии с намерениями дяди. Кое-что говорит в её пользу: дядя исчез из поля зрения людей примерно на 5° южной широты и 105° восточной долготы и спустя одиннадцать месяцев вновь объявился в той же части океана. Как-то же он прожил это время. К тому же, по всей видимости, шхуна «Ипекакуана» с пьяницей-капитаном Джоном Дэвисом действительно вышла из Африки в январе 1887 года, имея на борту пуму и ещё кое-каких зверей; судно хорошо знали во многих портах южной части Тихого океана, а затем оно навсегда пропало из этих морей (с изрядным грузом копры на борту), отплыв навстречу неведомой судьбе из Байны в декабре 1887 года, — и эта дата полностью совпадает с рассказом моего дяди.

ЧАРЛЗ ЭДВАРД ПРЕНДИК

I

В ЯЛИКЕ С «ЛЕДИ ВЕЙН»

Я не намерен добавлять ничего к тому, что уже написано о гибели «Леди Вейн». Всем известно, что через десять дней после выхода из Кальяо она столкнулась с брошенным судном. Баркас с семью членами экипажа восемнадцать дней спустя подобрала канонерская лодка Её Величества «Миртл», и история их ужасных лишений стала почти так же знаменита, как куда более кошмарное происшествие с «Медузой». Но к опубликованному рассказу о «Леди Вейн» я должен присовокупить ещё один — возможно, не менее жуткий и несравненно более странный. До сих пор считалось, что четверо людей, находившихся в ялике, погибли, но это ошибка. Я располагаю лучшим из доказательств: я был одним из тех четверых.

Впрочем, прежде всего следует сказать, что в ялике никогда не было четверых — их было трое. Констанс, которого, по словам капитана, «видели прыгающим в гичку»[1][1], к нашему счастью и к собственному несчастью, до нас не добрался. Он спускался из путаницы снастей под штагами разбитого бушприта; какой-то тонкий конец зацепил его за пятку, когда он разжал руки, и он на мгновение повис вниз головой, потом сорвался и ударился о блок или обломок рангоута, плававший на воде. Мы подгребли к нему, но он так и не всплыл.

Я говорю: к нашему счастью, что он не добрался до нас, — и почти готов сказать: к счастью и для него самого. У нас с собой был лишь небольшой бочонок воды да несколько размокших корабельных сухарей: тревога поднялась так внезапно, а судно было так скверно подготовлено к любой беде. Мы надеялись, что на баркасе запасов больше (хотя, как выяснилось, их там не оказалось), и пытались окликнуть сидевших в нём. Они, должно быть, нас не услышали, а на следующее утро, когда рассеялась морось — это случилось не раньше полудня, — их уже не было видно. Встать и осмотреться мы не могли: лодку слишком сильно бросало на волнах. Двое других спасшихся вместе со мной — некий Хелмар, пассажир, как и я, и матрос, имени которого я не знаю, коренастый коротышка, заикавшийся при разговоре.

Мы дрейфовали, изнывая от голода, а когда кончилась вода — ещё и терзаясь нестерпимой жаждой, и так целых восемь дней. После второго дня море медленно улеглось и превратилось в зеркальную гладь. Обычному читателю совершенно невозможно вообразить эти восемь дней: к его счастью, в памяти у него нет ничего, чем можно было бы их представить. После первого дня мы почти не разговаривали, лежали каждый на своём месте, смотрели на горизонт или наблюдали, как с каждым днём всё глубже западают и всё шире раскрываются глаза наших спутников, как нарастают в них страдание и слабость. Солнце стало беспощадным. Вода закончилась на четвёртый день, и мы уже думали о страшном и говорили об этом одними взглядами; но лишь на шестой день, как мне кажется, Хелмар произнёс вслух то, о чём думали мы все. Помню, наши голоса были сухи и тонки, так что мы наклонялись друг к другу и берегли слова. Я противился изо всех сил: я скорее готов был пробить днище и погибнуть всем вместе среди акул, неотступно следовавших за нами; но когда Хелмар сказал, что, если его предложение принять, у нас будет питьё, матрос перешёл на его сторону.

Я не соглашался тянуть жребий, и ночью матрос шептал Хелмару снова и снова, а я сидел на носу с раскрытым складным ножом в руке, хотя сомневаюсь, что у меня достало бы сил драться; наутро я принял предложение Хелмара, и мы бросили медные полупенсовики, чтобы определить обречённого. Жребий пал на матроса; но он был сильнейшим из нас, не пожелал подчиниться и набросился на Хелмара с голыми руками. Они схватились и едва не выпрямились в полный рост. Я пополз к ним по лодке, намереваясь помочь Хелмару и ухватить матроса за ногу; но тот оступился, лодка качнулась, и оба рухнули на планширь и вместе перевалились

[1] «Дейли Ньюс», 17 марта 1887 года.

за борт. Они пошли ко дну, как камни. Помню, я рассмеялся и удивился: чему я смеюсь? Смех налетел на меня внезапно, словно пришёл откуда-то извне.

Не знаю, сколько я пролежал поперёк одной из банок, думая, что, будь у меня силы, я напился бы морской воды и обезумел, чтобы умереть поскорее. И вот, лёжа так, я увидел — с интересом не большим, чем если бы это была картинка, — как над линией горизонта вырастает парус. Мой рассудок, вероятно, блуждал, и всё же я отчётливо помню всё, что произошло. Помню, как моя голова качалась вместе с волнами и как горизонт с парусом над ним плясал вверх и вниз; но так же отчётливо помню, что был убеждён, будто я мёртв, и думал, какая это насмешка: они подоспели с опозданием на какую-то малость и не застали меня во плоти.

Целую вечность, как мне казалось, я лежал, уронив голову на банку, и смотрел, как из моря поднимается шхуна (небольшое судно с косыми парусами на обеих мачтах). Она всё время ходила галсами, описывая расширяющиеся зигзаги: шла прямо против ветра. Мне и в голову не приходило привлекать к себе внимание, и я не помню отчётливо ничего с того мгновения, как увидел её борт, и до тех пор, пока не обнаружил себя в тесной каюте на корме. Смутно, как в полусне, припоминается, что меня поднимали к трапу и что поверх фальшборта на меня таращилось большое круглое лицо, усыпанное веснушками и обрамлённое рыжими волосами. Осталось и обрывочное впечатление чьего-то смуглого лица с необычайными глазами, совсем близко от моего; но я счёл это кошмаром — пока не встретил его снова. Кажется, мне вливали сквозь стиснутые зубы какое-то снадобье; и это всё.

II

ЧЕЛОВЕК, КОТОРЫЙ НИКУДА НЕ ЕХАЛ

Каюта, где я очнулся, была маленькой и довольно неопрятной. Рядом сидел молодой человек с льняными волосами, щетинистыми соломенными усами и отвисшей нижней губой и держал меня за запястье. С минуту мы молча смотрели друг на друга. Глаза у него были водянисто-серые, странно лишённые выражения. Потом прямо над головой загремело, будто кто-то колотил по железной кровати, и послышалось низкое злобное рычание какого-то крупного зверя. В тот же миг человек заговорил. Он повторил свой вопрос:

— Как вы себя чувствуете?

Кажется, я ответил, что хорошо. Я не мог вспомнить, как здесь оказался. Должно быть, вопрос читался у меня на лице, потому что голос мне не повиновался.

— Вас подобрали в шлюпке, умирающего от голода. На шлюпке значилось «Леди Вейн», а на планшире были пятна крови.

В этот миг мой взгляд упал на собственную руку, такую тощую, что она походила на грязный кожаный кошель, набитый россыпью костей, — и всё, что было в шлюпке, вернулось ко мне.

— Выпейте-ка вот этого, — сказал он и дал мне какое-то алое питьё со льдом.

На вкус оно было как кровь, и я почувствовал себя крепче.

— Вам повезло, — сказал он, — что вас подобрало судно с врачом на борту.

Он говорил слюняво, чуть шепелявя — едва заметно, словно призрак шепелявости.

— Что это за судно? — медленно спросил я, хрипя после долгого молчания.

— Маленький торговец из Арики и Кальяо. Откуда она вообще взялась, я так и не спрашивал: из страны прирождённых дураков, надо думать. Я сам тут пассажир, из Арики. Болван, которому она принадлежит, — он же капитан, некий Дэвис, — не то лишился патента, не то что-то в этом роде. Знаете эту породу: назвал посудину «Ипекакуаной», это же надо было выдумать такое дурацкое, чёртово имя! Правда, когда на море сильное волнение, а ветра нет, она и впрямь ведёт себя соответственно.

(Тут шум над головой возобновился: сердитый рык и вместе с ним человеческий голос. Потом другой голос приказал какому-то «богом забытому идиоту» прекратить.)

— Вы были почти мертвы, — продолжал мой собеседник. — Это было на волосок, ей-богу. Но теперь я кое-что в вас влил. Чувствуете, рука болит? Это уколы. Вы лежали без сознания почти тридцать часов.

Я думал медленно. (Меня отвлекал заливистый лай нескольких собак.)

— Мне уже можно твёрдую пищу? — спросил я.

— Благодаря мне — можно, — ответил он. — Баранина как раз закипает.

— Да, — уверенно сказал я, — баранины я бы съел.

— Но, — сказал он с мгновенной запинкой, — знаете, я умираю от любопытства: как вы оказались совсем один в этой шлюпке? Да замолчи ты наконец, будь проклят этот вой!

Мне показалось, что в его глазах мелькнуло подозрение.

Он внезапно вышел из каюты, и я услышал, как он яростно с кем-то препирается; тот, кому он выговаривал, судя по всему, в ответ нёс какую-то тарабарщину. Спор, похоже, кончился дракой, но тут, решил я, слух меня обманул. Затем он прикрикнул на собак и вернулся.

— Ну? — сказал он, остановившись в дверях. — Вы как раз собирались мне рассказать.

Я назвал своё имя, Эдвард Прендик, и объяснил, что занялся естествознанием, спасаясь от скуки обеспеченной и праздной независимости.

Это его, видимо, заинтересовало.

— Я и сам немного занимался наукой. Биологию проходил в Юниверсити-колледже: выковыривал яичник дождевого червя да радулу улитки и всё такое прочее. Господи! Десять лет назад. Но продолжайте! Расскажите про шлюпку.

Он, очевидно, остался доволен откровенностью моего рассказа, который я изложил достаточно короткими фразами, потому что был страшно слаб; и едва я закончил, он тут же вернулся к естествознанию и к собственным биологическим штудиям. Он принялся подробно расспрашивать меня о Тоттенхэм-Корт-роуд и Гауэр-стрит.

— Каплатци всё ещё процветает? Что это была за лавка!

Это, очевидно, был самый заурядный студент-медик, и разговор незаметно съехал на мюзик-холлы. Он рассказал мне несколько анекдотов.

— Бросил я всё это, — сказал он, — десять лет назад. До чего же весело всё это бывало! Но я свалял тогда круглого дурака — выдохся, не дожив до двадцати одного. Полагаю, теперь там всё иначе. Однако надо заглянуть к этому болвану-коку и посмотреть, что он сотворил с вашей бараниной.

Рычание наверху возобновилось так внезапно и с такой дикой злобой, что я вздрогнул.

— Что это? — крикнул я ему вслед, но дверь уже закрылась. Он вернулся с варёной бараниной, и меня так взбудоражил её аппетитный запах, что я забыл о шуме, который меня тревожил, — об этом звере.

Прошёл день, прошедший в чередовании сна и еды, и я окреп настолько, что смог добраться с койки до иллюминатора и увидеть зелёные волны, тщетно пытавшиеся угнаться за нами. Я рассудил, что шхуна идёт под попутным ветром. Монтгомери — так звали льноволосого — снова вошёл, когда я стоял там, и я попросил у него одежду. Он одолжил мне кое-что из своих парусиновых вещей, потому что те, в которых я плыл в шлюпке, выбросили за борт. На мне они болтались: он был крупным, длинноруким и длинноногим. Мимоходом он обронил, что капитан на три четверти пьян и сидит в своей каюте. Одеваясь, я принялся расспрашивать его о том, куда направляется судно. Он сказал, что шхуна идёт на Гавайи, но сначала должна высадить его.

— Где? — спросил я.

— На острове, где я живу. Насколько мне известно, у него нет названия.

Он уставился на меня, отвесив нижнюю губу, и вдруг стал выглядеть так нарочито тупо, что мне пришло в голову: он хочет уйти от моих вопросов. Благоразумия мне хватило, чтобы больше не спрашивать.

III

СТРАННОЕ ЛИЦО

Мы вышли из каюты и обнаружили, что на трапе нам преграждает путь какой-то человек. Он стоял на ступенях спиной к нам и выглядывал поверх комингса люка. Это был уродливо сложённый человек — низкий, широкий, неуклюжий, с кривой спиной, волосатой шеей и головой, глубоко ушедшей в плечи. Одет он был в тёмно-синюю саржу; волосы у него росли необычайно густые, жёсткие и чёрные. Невидимые собаки яростно зарычали, и он тотчас отпрянул назад и наткнулся на мою руку, которую я выставил, чтобы оградить себя от него. Он обернулся с быстротой зверя.

Чёрное лицо, мелькнувшее передо мной, потрясло меня до глубины души, хотя я не смог бы объяснить почему. Оно было чудовищно изуродовано. Нижняя его часть выдавалась вперёд, смутно напоминая морду, а огромный полуоткрытый рот обнажал самые крупные белые зубы, какие мне только случалось видеть у человека. Глаза налились кровью по краям, и вокруг карих зрачков почти не осталось белка. В лице горел странный огонь возбуждения.

— Чёрт бы вас побрал! — сказал Монтгомери. — Какого дьявола вы стоите на дороге?

Чернолицый молча посторонился. Я поднялся по трапу, невольно не сводя с него глаз. Монтгомери на мгновение задержался внизу.

— Вам тут нечего делать, вы же знаете, — произнёс он размеренно. — Ваше место на носу.

Чернолицый съёжился.

— Они… не пускают меня на нос, — проговорил он медленно, с каким-то странным хрипом в голосе.

— Не пускают! — угрожающе сказал Монтгомери. — А я вам говорю: ступайте!

Он уже готов был прибавить что-то ещё, но вдруг поднял глаза на меня и последовал за мной вверх по трапу.

Я остановился на полпути, вровень с люком, и оглянулся, всё ещё не в силах прийти в себя от гротескного уродства этого существа. Никогда прежде я не видел лица столь отталкивающего и необычайного — и всё же (если это противоречие простительно) меня не покидало странное чувство, что эти самые черты и эти самые жесты я уже где-то встречал. Позднее мне пришло в голову, что, вероятно, я видел его, когда меня поднимали на борт; но и это не вполне успокаивало подозрение, что мы знакомы. Как можно было увидеть столь необыкновенное лицо и забыть, где и когда, — это было выше моего разумения.

Монтгомери двинулся следом, и моё внимание освободилось; я обернулся и осмотрел гладкую палубу маленькой шхуны. Звуки, которые я слышал, уже наполовину подготовили меня к увиденному. Грязнее палубы мне видеть не доводилось. Всюду валялись обрезки моркови, клочья зелени и неописуемая дрянь. К грот-мачте цепями были привязаны несколько свирепых оленьих гончих, которые теперь принялись прыгать и лаять на меня, а у бизань-мачты в железной клетке, слишком тесной даже для того, чтобы зверь мог в ней повернуться, томилась огромная пума. Дальше, у правого борта, стояли большие клетки с кроликами, а на носу в ящике-клетушке была втиснута одинокая лама. Пасти собак были стянуты кожаными ремнями. Единственным человеком на палубе был худой молчаливый матрос у штурвала.

Заплатанные грязные паруса туго надулись под ветром, и казалось, что маленькое судно несёт все паруса, какие только у него есть. Небо стояло ясное, солнце клонилось к западу; длинные волны, увенчанные ветром пеной, бежали вместе с нами. Мы прошли мимо рулевого к поручням на корме и увидели, как под ахтерштевнем вскипает вода, а пузыри пляшут и исчезают в кильватерной струе. Я обернулся и окинул взглядом неприглядную длину судна.

— Это что, плавучий зверинец? — спросил я.

— Похоже на то, — ответил Монтгомери.

— Для чего эти звери? На продажу, как диковинки? Неужели капитан рассчитывает сбыть их где-нибудь в Южных морях?

— Похоже на то, не правда ли? — сказал Монтгомери и снова отвернулся к кильватерной струе.

Вдруг из люка донёсся визг и залп яростной брани, и уродливый чернолицый человек торопливо выскочил наверх. Следом за ним появился грузный рыжий детина в белой фуражке. При виде первого гончие, уже уставшие лаять на меня, пришли в ярость: они завыли и рванулись на цепях. Чернолицый замешкался перед ними, и рыжий успел настигнуть его и нанести страшный удар между лопаток. Бедняга рухнул, как сражённый бык, и покатился в грязи среди неистовствующих собак. К счастью для него, они были в намордниках. Рыжий торжествующе взвыл и остановился, пошатываясь, и мне показалось, что он вот-вот либо упадёт спиной в люк, либо рухнет вперёд, на свою жертву.

Едва второй человек показался на палубе, Монтгомери бросился вперёд.

— Стойте! — крикнул он тоном, полным упрёка.

Двое матросов появились на баке. Чернолицый, воя странным голосом, катался под ногами у собак. Никто не пытался ему помочь. Псы делали всё, что могли, чтобы его растерзать, тычась в него намордниками. Над неуклюжей распростёртой фигурой быстро плясали их гибкие серые пятнистые тела. Матросы на баке орали, словно это была великолепная забава. Монтгомери злобно выругался и зашагал по палубе, а я пошёл за ним. Чернолицый поднялся и, шатаясь, побрёл вперёд, добрался до фальшборта у грот-вант, навалился на него и остался там, тяжело дыша и бросая через плечо яростные взгляды на собак. Рыжий довольно рассмеялся.

— Послушайте, капитан, — сказал Монтгомери, и шепелявость его слегка усилилась; он схватил рыжего за локти. — Так не пойдёт!

Я стоял позади Монтгомери. Капитан повернулся к нему вполоборота и взглянул на него тусклыми, торжественными глазами пьяного.

— Чш-што не пойдёт? — спросил он и, с минуту сонно вглядываясь в лицо Монтгомери, добавил: — Проклятый костоправ!

Резким движением он высвободил руки и, после двух неудачных попыток, сунул веснушчатые кулаки в боковые карманы.

— Этот человек — пассажир, — сказал Монтгомери. — Советую вам держать руки при себе.

— Убирайся к чёрту! — громко отозвался капитан. Он вдруг развернулся и, шатаясь, побрёл к борту. — Что хочу, то и делаю на своём корабле, — заявил он.

Думаю, Монтгомери мог бы на этом отступиться, видя, что скотина пьяна; но он лишь слегка побледнел и пошёл за капитаном к борту.

— Слушайте, капитан, — сказал он. — Моего человека обижать нельзя. С самого первого дня на борту над ним измываются.

С минуту спиртные пары лишали капитана дара речи.

— Проклятый костоправ! — вот и всё, что он счёл нужным ответить.

Я видел, что у Монтгомери один из тех медлительных, упрямых характеров, что день за днём раскаляются добела и никогда уже не остывают до прощения; видел я и то, что ссора эта назревала давно.

— Он пьян, — сказал я, пожалуй, излишне услужливо. — Вы ничего не добьётесь.

Монтгомери криво дёрнул отвисшей губой.

— Он всегда пьян. Неужели вы думаете, что это оправдывает его нападки на пассажиров?

— Мой корабль, — начал капитан, неуверенно взмахнув рукой в сторону клеток, — был чистым кораблём. Посмотрите, что с ним теперь!

Чистым он, разумеется, не был ни в какой мере.

— Команда, — продолжал капитан, — чистая, порядочная команда.

— Вы согласились взять зверей.

— Лучше б я никогда не видел вашего проклятого острова. На кой чёрт… сдались звери на таком острове? А этот ваш человек… я думал, он человек. Он сумасшедший, и нечего ему делать на корме. Вы что, полагаете, весь этот проклятый корабль принадлежит вам?

— Ваши матросы начали травить беднягу, как только он ступил на борт.

— Да он и есть самый настоящий дьявол! Уродливый дьявол! Мои люди его терпеть не могут. Я его терпеть не могу. Никто из нас его терпеть не может. И вы тоже!

Монтгомери отвернулся.

— Так или иначе, оставьте этого человека в покое, — сказал он, кивнув.

Но капитан решил поссориться. Он повысил голос.

— Если он ещё раз сунется на этот конец судна, я выпущу ему кишки, слышите? Выпущу его проклятые кишки! Кто вы такой, чтобы мне указывать? Говорю вам, я капитан этого судна — капитан и владелец. Я здесь закон, слышите, — закон и пророки. Я договаривался доставить человека с его слугой из Арики и обратно и привезти назад зверей. Я не договаривался возить сумасшедшего дьявола и дурацкого костоправа, который…

Впрочем, неважно, как он назвал Монтгомери. Я увидел, что тот шагнул вперёд, и вмешался.

— Он пьян, — сказал я.

Капитан принялся ругаться ещё гнуснее.

— Заткнитесь! — резко бросил я, обернувшись к нему, ибо разглядел опасность в побелевшем лице Монтгомери. И этим навлёк ливень брани на себя самого.

Впрочем, я был рад предотвратить то, что было уже на волосок от потасовки, пусть даже ценой пьяной злобы капитана. Не думаю, что мне когда-либо доводилось слышать, чтобы с чьих-либо уст непрерывным потоком лилось столько мерзкой брани, хотя общаться мне случалось с публикой весьма эксцентричной. Кое-что было мне нелегко стерпеть, хоть я человек мягкого нрава; но, крикнув капитану «заткнитесь», я, безусловно, забыл, что я всего лишь обломок кораблекрушения, отрезанный от своих средств, с неоплаченным проездом, случайный нахлебник, живущий милостью — или спекулятивной затеей — этого судна. Он напомнил мне об этом весьма энергично; но драки я всё-таки не допустил.

IV

У БОРТА ШХУНЫ

В ту ночь, после захода солнца, показалась земля, и шхуна легла в дрейф. Монтгомери дал понять, что это и есть место его назначения. Было слишком далеко, чтобы разглядеть подробности; тогда она показалась мне просто низкой полосой тусклой синевы в зыбкой синесерой морской дали. Почти вертикальная струйка дыма поднималась оттуда в небо. Капитана на палубе в ту минуту не было. Излив на меня свой гнев, он убрался вниз и, насколько я понимаю, уснул на полу собственной каюты. Командование фактически принял помощник — тот самый тощий, молчаливый человек, которого мы видели у штурвала. Он, по-видимому, был не в духе и злился на Монтгомери. Ни на одного из нас он не обращал ни малейшего внимания. Мы обедали с ним в угрюмом молчании после нескольких безуспешных попыток с моей стороны завязать разговор. Мне бросилось в глаза и то, что матросы смотрят на моего спутника и на его зверей с особенной неприязнью. Монтгомери был на редкость скуп на слова, когда речь заходила о том, зачем ему эти твари и куда он направляется; и хотя во мне росло любопытство и к тому и к другому, я не настаивал.

Мы проговорили на шканцах, пока небо не загустело от звёзд. Если не считать случайных звуков из освещённого жёлтым светом кубрика да время от времени шевеления животных, ночь стояла очень тихая. Пума лежала, свернувшись, и смотрела на нас блестящими глазами — тёмный ком в углу клетки. Монтгомери достал сигары. Он говорил о Лондоне с интонацией полуболезненного воспоминания, расспрашивал о всевозможных переменах. Так говорит человек, который любил там свою жизнь и был вдруг и бесповоротно от неё отрезан. Я болтал как умел, о том и о сём. Всё это время его странность складывалась у меня в голове в цельный образ; и, говоря, я всматривался в его необычное, бледное лицо в тусклом свете нактоузной лампы позади меня. Затем переводил взгляд на темнеющее море, где в сумраке скрывался его островок.

Этот человек, думалось мне, вынырнул из Безмерности лишь затем, чтобы спасти мне жизнь. Завтра он перешагнёт через борт и снова исчезнет из моей жизни. Даже при самых обыденных обстоятельствах это навело бы меня на размышления; но здесь, во-первых, был образованный человек, живущий на неведомом островке, а вдобавок — удивительный багаж. Я поймал себя на том, что повторяю вопрос капитана. Зачем ему эти звери? И почему он сделал вид, будто они не его, когда я впервые о них заговорил? А ещё в его личном слуге было нечто причудливое, что глубоко меня поразило. Все эти обстоятельства окутали Монтгомери дымкой тайны. Они завладели моим воображением и сковали мне язык.

К полуночи разговор о Лондоне иссяк, и мы стояли бок о бок, опершись на фальшборт, и мечтательно глядели на безмолвное море, залитое светом звёзд, каждый погружённый в свои мысли. Располагала к чувствительности сама атмосфера ночи, и я заговорил о своей благодарности.

— Если позволите, — произнёс я спустя некоторое время, — вы спасли мне жизнь.

— Случай, — ответил он. — Просто случай.

— Я предпочитаю благодарить того, кто оказался под рукой.

— Не благодарите никого. Вам была нужна помощь, а у меня были знания; я делал вам инъекции и кормил вас так же, как собирал бы образец. Мне было скучно, хотелось чем-нибудь заняться. Будь я в тот день не в духе или не понравься мне ваше лицо… что ж, где бы вы теперь оказались — любопытный вопрос!

Это несколько охладило мой порыв.

— Во всяком случае… — начал я.

— Это случай, говорю вам, — перебил он, — как и всё в жизни человека. Только ослы этого не видят! Почему я сейчас здесь, изгнанник цивилизации, а не живу счастливым человеком, наслаждаясь всеми радостями Лондона? Просто потому, что одиннадцать лет назад я потерял голову на десять минут в туманную ночь.

Он замолчал.

— Да? — сказал я.

— Вот и всё.

Мы снова погрузились в молчание. Вскоре он рассмеялся.

— Есть что-то в этом свете звёзд, что развязывает язык. Я осёл, и всё же мне почему-то хочется вам рассказать.

— Что бы вы мне ни рассказали, можете положиться: я сохраню это при себе… если вас это тревожит.

Он уже собирался начать, но потом с сомнением покачал головой.

— Не надо, — сказал я. — Мне всё равно. В конце концов, лучше сохранить вашу тайну. Если я буду уважать ваше доверие, вы выиграете лишь немного облегчения. А если нет… что тогда?

Он неопределённо хмыкнул. Я чувствовал, что он оказался в невыгодном положении, что я застал его в минуту неосторожности; и по правде говоря, мне не хотелось выяснять, что могло вынудить молодого студента-медика покинуть Лондон. У меня есть воображение. Я пожал плечами и отвернулся. Над поручнями юта склонялась молчаливая чёрная фигура и смотрела на звёзды. Это был странный слуга Монтгомери. При моём движении он быстро оглянулся через плечо, а потом снова отвернулся.

Вам, возможно, это покажется пустяком, но для меня это было как внезапный удар. Единственным источником света рядом с нами была лампа у штурвала. Лицо существа на одно краткое мгновение повернулось из сумрака кормы к этому свету, и я увидел, что глаза, скользнувшие по мне, светятся бледно-зелёным огнём. Я тогда не знал, что красноватое свечение нередко встречается и в человеческих глазах. Мне оно показалось явленной бесчеловечностью. Эта чёрная фигура с огненными глазами пробила насквозь все мои взрослые мысли и чувства, и на миг ко мне вернулись забытые ужасы детства. Затем наваждение прошло так же внезапно, как нахлынуло. Неотёсанная чёрная фигура — человек, ничем не примечательный — склонялась над поручнями на фоне звёзд, и я обнаружил, что Монтгомери что-то говорит мне.

— Пожалуй, пойду спать, — сказал он, — если вам это уже надоело.

Я ответил невпопад. Мы спустились вниз, и у двери моей каюты он пожелал мне доброй ночи.

Ночью мне снились весьма неприятные сны. Поздно взошла убывающая луна. Её свет протянул через каюту призрачно-белый луч и отбросил зловещую тень на доски у койки. Потом проснулись гончие и принялись выть и лаять, так что я забывался лишь урывками и почти не спал до самого рассвета.

V

ЧЕЛОВЕК, КОТОРОМУ НЕКУДА БЫЛО ИДТИ

Рано утром (это было второе утро после моего выздоровления, а после того как меня подобрали, по моим расчётам, четвёртое) я пробудился, пробравшись сквозь череду бурных сновидений — снов о пушках и воющей толпе, — и различил над головой хриплые крики. Я протёр глаза и лежал, прислушиваясь к шуму, некоторое время не понимая, где нахожусь. Потом раздался внезапный топот босых ног, грохот брошенных тяжёлых предметов, скрип и лязг цепей. Я услышал плеск воды: судно резко привели к ветру, и пенистая жёлто-зелёная волна пронеслась по маленькому круглому окошку, оставив на нём потёки. Я наспех оделся и выбежал на палубу.

Поднявшись по трапу, я увидел на фоне разгоревшегося неба (солнце только всходило) широкую спину и рыжие волосы капитана, а над его плечом — пуму, которая вращалась на тали, подвешенной к гику бизани.

Бедный зверь был, казалось, ужасно напуган и забился на дно своей клетушки.

— За борт их! — орал капитан. — За борт! Мы скоро очистим корабль от всей этой своры!

Он стоял у меня на пути, так что мне пришлось, чтобы выйти на палубу, коснуться его плеча. Он резко обернулся и, отшатнувшись на несколько шагов, уставился на меня. Не нужно было намётанного глаза, чтобы понять: он всё ещё пьян.

— Эй! — сказал он тупо, а затем, с проблеском в глазах: — Да это же мистер… мистер?

— Прендик, — сказал я.

— К чёрту Прендика! — сказал он. — Заткнись — вот твоё имя. Мистер Заткнись.

Отвечать этой скотине было бесполезно; но следующего его шага я никак не ожидал. Он протянул руку к трапу, у которого Монтгомери беседовал с массивным седовласым человеком в грязной синей фланели, по-видимому только что поднявшимся на борт.

— Туда, мистер Проклятый Заткнись! Туда! — прорычал капитан.

Монтгомери и его собеседник обернулись на этот рёв.

— Что вы хотите сказать? — спросил я.

— Туда, мистер Проклятый Заткнись, — вот что я хочу сказать! За борт, мистер Заткнись, и поживее! Мы чистим корабль, всю эту благословенную посудину чистим; и за борт отправляешься ты!

Я смотрел на него, оцепенев. Потом мне пришло в голову, что это именно то, чего я хотел. Лишиться плавания в обществе этого сварливого пьяницы, да ещё единственным пассажиром, не стоило сожаления. Я повернулся к Монтгомери.

— Мы не можем вас взять, — коротко сказал его спутник.

— Не можете?! — воскликнул я, потрясённый. У него было самое квадратное и решительное лицо, какое я когда-либо видел.

— Послушайте, — начал я, оборачиваясь к капитану.

— За борт! — сказал капитан. — Этот корабль больше не для зверей, людоедов и тех, кто похуже зверей. За борт, мистер Заткнись. Если они тебя не берут, отправляешься за борт. Но так или иначе ты уходишь — вместе со своими приятелями. С этим благословенным островом я покончил навеки, аминь! Хватит с меня.

— Но, Монтгомери! — воззвал я.

Он скривил нижнюю губу и безнадёжно кивнул на седовласого, давая понять, что бессилен мне помочь.

— Я с тобой скоро разберусь, — сказал капитан.

Затем начался странный спор втроём. Я обращался то к одному, то к другому: сначала к седовласому, умоляя позволить мне сойти на берег, потом к пьяному капитану, прося оставить меня на борту. Я даже взывал о помощи к матросам. Монтгомери не говорил ни слова, только качал головой.

— Ты отправишься за борт, говорю тебе, — таков был припев капитана. — К чёрту закон! Здесь я король!

Наконец, должен признаться, голос мой сорвался посреди энергичной угрозы. Меня захлестнула истерическая обида, и я ушёл на корму и уныло уставился в пустоту.

Тем временем матросы споро продвигались с разгрузкой: спускали тюки и клетки с животными. С подветренной стороны, под прикрытием борта шхуны, стоял большой баркас с двумя прямыми парусами, и в него переправляли диковинную смесь грузов. Людей с острова, принимавших груз, я тогда не видел: корпус баркаса скрывал от меня борт шхуны. Ни Монтгомери, ни его спутник не обращали на меня ни малейшего внимания: они помогали четырём-пяти матросам и руководили ими. Капитан слонялся по палубе, скорее мешая, чем помогая. Я то впадал в отчаяние, то был готов на всё. Раз или два, стоя там и дожидаясь, пока события развернутся сами собой, я не удержался от смеха над своим жалким положением. Мне было ещё горше оттого, что я не позавтракал. Голод и малокровие отнимают у человека всю мужественность. Я довольно ясно понимал, что у меня недостанет сил ни противиться тому, что капитан вздумает предпринять, чтобы выставить меня, ни навязываться Монтгомери и его спутнику. Поэтому я покорно ждал своей участи, а имущество Монтгомери перегружали в баркас так, словно меня не существовало.

Вскоре с этим было покончено, и тут началась борьба. Меня потащили к трапу; я сопротивлялся довольно слабо. Даже тогда я заметил странные смуглые лица людей, сидевших в баркасе вместе с Монтгомери; но баркас был уже полностью загружен и поспешно отвалил. Подо мной расширялся просвет зелёной воды, и я упёрся изо всех сил, чтобы не рухнуть вниз головой. Люди в баркасе язвительно закричали, и я услышал, как Монтгомери ругает их; а затем капитан, помощник и один из матросов погнали меня к корме.

Ялик «Леди Вейн» тащился на буксире позади; он был наполовину полон воды, без вёсел и совершенно без провианта. Я отказывался садиться в него и бросился плашмя на палубу. В конце концов меня спустили в ялик на верёвке (кормового трапа у них не было), а затем обрезали буксир. Я медленно удалялся от шхуны. В каком-то оцепенении я наблюдал, как вся команда бросилась к вантам, как шхуна медленно, но верно пошла на ветер, как паруса затрепетали, а потом вздулись, поймав ветер. Я смотрел на её потрёпанный непогодой борт, круто кренившийся в мою сторону; потом она скрылась из виду.

Я не обернулся, чтобы проводить её взглядом. Сперва я едва мог поверить в случившееся. Я съёжился на дне ялика, оглушённый, и тупо смотрел на пустое, маслянистое море. Потом понял, что вновь очутился в том своём маленьком аду, теперь наполовину затопленном; и, оглянувшись через планширь, увидел, как шхуна уходит прочь, а рыжий капитан глумится надо мной, перегнувшись через поручни юта; повернувшись к острову, я увидел, как баркас уменьшается по мере приближения к берегу.

Внезапно жестокость этого предательства стала мне ясна. У меня не было никакой возможности добраться до земли, разве что течением меня случайно принесёт к ней. Я всё ещё был слаб после испытаний в шлюпке, помните; я был пуст и очень изнурён, иначе у меня хватило бы духу держаться. Но так вышло, что я вдруг принялся всхлипывать и плакать, как не плакал с самого раннего детства. Слёзы бежали по моему лицу. В припадке отчаяния я бил кулаками по воде на дне лодки и яростно пинал планширь. Я вслух молил Бога, чтобы он позволил мне умереть.

VI

ЗЛОВЕЩИЕ ЛОДОЧНИКИ

Но островитяне, видя, что меня и вправду уносит в открытое море, сжалились надо мной. Течение медленно сносило меня к востоку, наискосок приближая к острову, и вскоре я с истерическим облегчением увидел, как баркас разворачивается и идёт обратно ко мне. Он был сильно нагружен. Когда он подошёл ближе, я различил на корме седовласого широкоплечего спутника Монтгомери: тот сидел, втиснувшись между собаками и несколькими ящиками. Он неотрывно смотрел на меня, не двигаясь и не говоря ни слова. Чернолицый калека так же пристально сверлил меня глазами с носа, рядом с пумой. Кроме них, в баркасе были ещё трое, три странных звероподобных субъекта, на которых свирепо рычали гончие. Монтгомери, сидевший на руле, провёл баркас мимо меня, поднялся, поймал мой фалинь и закрепил его за румпель, чтобы взять ялик на буксир: места на борту не было.

К этому времени я уже оправился от своего истерического припадка и откликнулся на его оклик довольно бодро. Я сказал, что ялик почти затоплен, и он подал мне ковш. Меня рвануло назад, когда верёвка между лодками натянулась. Некоторое время я был занят вычерпыванием воды.

Только когда я справился с водой (она набралась в ялик с волнами; сама лодка была вполне исправна), у меня появилась возможность снова разглядеть людей в баркасе.

Седовласый всё ещё смотрел на меня не отрываясь, но, как мне теперь показалось, с выражением некоторого недоумения. Когда наши взгляды встретились, он опустил глаза на гончую, сидевшую у него между колен. Это был, как я уже сказал, крепко сложённый человек с красивым лбом и довольно тяжёлыми чертами лица; но веки у него нависали, как это нередко бывает с годами, а опущенные уголки массивного рта придавали ему выражение воинственной решимости. Он говорил с Монтгомери слишком тихо, чтобы я мог расслышать.

От него мой взгляд перешёл к его троим людям, и странная это была команда. Я видел только их лица, но в этих лицах было что-то, что я не мог назвать, и оно вызывало у меня мучительную судорогу отвращения. Я упорно всматривался в них, и впечатление не проходило, хотя я так и не смог понять, чем оно вызвано. Они показались мне смуглыми; но их конечности были странным образом обмотаны какой-то тонкой грязной белой тканью до самых пальцев рук и ног: таких закутанных мужчин я не видывал никогда, разве что женщин на Востоке. На головах у них были тюрбаны, и из-под них на меня выглядывали эльфийские лица с выступающими нижними челюстями и блестящими глазами. Волосы у них были прямые, чёрные, почти как конский волос, а сидя они, казалось, превосходили ростом любую человеческую расу, какую мне доводилось видеть. Седовласый, в котором было добрых шесть футов, сидел на голову ниже любого из троих. Позднее я выяснил, что на самом деле никто из них не был выше меня; но туловища у них были неестественно длинные, а бёдра короткие и странно искривлённые. Как бы то ни было, это была на редкость безобразная шайка, а над их головами, из-под носового паруса, выглядывало чёрное лицо человека, чьи глаза светились в темноте. Пока я смотрел на них, они встретили мой взгляд; потом один, за ним другой отвернулись от моего прямого взгляда и стали посматривать на меня странно, украдкой. Мне пришло в голову, что, может быть, я им досаждаю, и я обратил внимание на остров, к которому мы приближались.

Остров был низкий и сплошь покрытый густой растительностью, главным образом какой-то незнакомой мне пальмой. С одной точки косо поднималась на огромную высоту тонкая белая нить пара и расплывалась там, как пушинка. Теперь мы входили в объятия широкой бухты, с обеих сторон закрытой низкими мысами. Пляж был усыпан тускло-серым песком и круто взбегал к гребню, возвышавшемуся, пожалуй, на шестьдесят-семьдесят футов над уровнем моря и неровно поросшему деревьями и кустарником. На полпути вверх виднелась квад-

ратная ограда из сероватого камня; как я выяснил позже, её сложили частью из кораллов, частью из пемзовой лавы. Из-за ограды выглядывали две соломенные крыши. У самой воды нас поджидал человек. Мне показалось ещё издали, что какие-то другие, очень уродливые существа юркнули в кусты на склоне, но по мере нашего приближения я ничего больше не увидел. Человек на берегу был среднего роста, с чёрным негроидным лицом. У него был большой, почти безгубый рот, необыкновенно длинные худые руки, длинные тонкие ступни и кривые ноги; он стоял, выставив вперёд тяжёлое лицо, и пристально смотрел на нас. Одет он был, как Монтгомери и его седовласый спутник, в куртку и штаны из синей саржи. Когда мы подошли ещё ближе, этот человек принялся бегать по берегу взад и вперёд, выделывая самые нелепые движения.

По слову Монтгомери четверо людей в баркасе вскочили и, с необычайно неуклюжими жестами, спустили паруса. Монтгомери провёл нас вокруг и ввёл в узкую маленькую гавань, выкопанную в песке. Тогда человек на берегу поспешил к нам. Эта, как я её называю, гавань была на деле лишь канавой, при данном приливе как раз достаточной по длине, чтобы вместить баркас. Я услышал, как нос зашуршал по песку, оттолкнул ковшом свой ялик от руля большой лодки, освободил фалинь и вышел на берег. Трое закутанных людей, двигаясь крайне неловко, выкарабкались на песок и тотчас принялись выгружать груз, им помогал человек, ждавший на берегу. Меня особенно поразили странные движения ног у трёх обмотанных, забинтованных лодочников: они не были негнущимися, но были искажены как-то по-особому, словно суставы у них располагались не там, где положено. Собаки по-прежнему рычали и рвались на цепях вслед за этими людьми, когда седовласый сошёл на берег вместе с ними. Трое громил переговаривались между собой странными гортанными голосами, а человек, ждавший нас на пляже, принялся взволнованно трещать им что-то, на чужом языке, как мне казалось, пока они хватались за тюки, сваленные у кормы. Где-то я уже слышал такой голос и не мог вспомнить где. Седовласый стоял, удерживая своры из шести собак, и перекрикивал их гвалт, отдавая распоряжения. Монтгомери снял руль и тоже сошёл на берег, и все занялись разгрузкой. Я был слишком слаб после долгого голода и палящего солнца, жарившего мою непокрытую голову, чтобы предлагать помощь.

Вскоре седовласый, видимо, вспомнил обо мне и подошёл.

— Вы выглядите так, — сказал он, — будто не успели позавтракать. — Его маленькие глаза под тяжёлыми бровями сияли чернотой. — Я должен перед вами извиниться. Теперь вы наш гость, и мы обязаны вас устроить поудобнее, хотя вы, надо признать, незваный.

Он пристально посмотрел мне в лицо.

— Монтгомери говорит, что вы образованный человек, мистер Прендик, что вы кое-что смыслите в науке. Могу я спросить, что это значит?

Я ответил, что несколько лет провёл в Королевском научном колледже и занимался биологическими исследованиями под руководством Хаксли. Он слегка приподнял брови.

— Это меняет дело, мистер Прендик, — произнёс он с чуть большим уважением. — Так получилось, что мы здесь биологи. Это биологическая станция — в своём роде.

Его взгляд остановился на людях в белом, которые усердно тащили на катках пуму к огороженному двору.

— Я и Монтгомери, во всяком случае, — добавил он. А затем: — Когда вы сможете отсюда выбраться, не скажу. Мы вдали от всех путей. Корабль мы видим раз в год или около того.

Он резко оставил меня, прошёл по берегу мимо этой группы и, думаю, вошёл за ограду. Двое других вместе с Монтгомери складывали гору небольших пакетов на низкую тележку на колёсах. Лама ещё оставалась на баркасе вместе с кроличьими клетками; гончие всё ещё были привязаны к банкам. Когда груз был сложен, все трое ухватились за тележку и принялись

толкать этот груз, весивший тонну или около того, вслед за пумой. Потом Монтгомери оставил их и, вернувшись ко мне, протянул руку.

— Я рад за себя, — сказал он. — Этот капитан был дурак набитый. Он бы вам жизни не дал.

— Это вы, — сказал я, — спасли меня снова.

— Это как посмотреть. Остров этот, обещаю вам, чертовски странное место. На вашем месте я бы был осторожен. Он… — Он замялся, словно передумал говорить то, что вертелось у него на языке. — Помогите-ка мне лучше с этими кроликами, — сказал он.

Его обращение с кроликами было необычным. Я вошёл в воду вместе с ним и помог дотащить до берега одну из клеток. Едва это было сделано, он открыл дверцу и, поставив клетку на торец, вытряхнул её живое содержимое на землю. Звери упали барахтающейся кучей, один на другого. Он хлопнул в ладоши, и тотчас они помчались прочь своим особым прыгающим бегом, пятнадцать или двадцать, как мне показалось, вверх по берегу.

— Плодитесь и размножайтесь, друзья мои, — сказал Монтгомери. — Населяйте остров. Мяса нам тут до сих пор несколько не хватало.

Пока я смотрел, как они исчезают, седовласый вернулся с фляжкой бренди и сухарями.

— Подкрепитесь, Прендик, — сказал он гораздо более дружеским тоном, чем прежде.

Я не стал церемониться и сразу принялся за сухари, а седовласый тем временем помогал Монтгомери выпускать ещё около двух десятков кроликов. Три больших клетки, впрочем, отправились к дому вместе с пумой. К бренди я не притронулся: я с рождения трезвенник.

VII

ЗАПЕРТАЯ ДВЕРЬ

Читатель, вероятно, поймёт: всё вокруг было так непривычно, а моё положение складывалось из столь неожиданных приключений, что я уже не мог судить, какая из окружавших меня странностей необычнее других. Я шёл вверх по берегу вслед за ламой, когда меня нагнал Монтгомери и попросил не входить в каменную ограду. Только тогда я заметил, что клетку с пумой и груду тюков оставили снаружи, у входа в этот четырёхугольник.

Обернувшись, я увидел, что баркас уже разгрузили, спустили на воду и теперь тянут обратно на берег, а седовласый направляется к нам. Он обратился к Монтгомери:

— Теперь встаёт вопрос об этом незваном госте. Что нам с ним делать?

— Он кое-что смыслит в науке, — сказал Монтгомери.

— Мне не терпится вернуться к работе — с новым материалом, — отозвался седовласый и кивнул в сторону ограды. Глаза его блеснули.

— Не сомневаюсь, — ответил Монтгомери, и в голосе его не слышалось ни капли сердечности.

— Отправить его туда мы не можем, строить для него новую хижину некогда, а посвящать его в наши дела, разумеется, пока тоже нельзя.

— Я целиком в ваших руках, — сказал я, не понимая, что он разумеет под «туда».

— Я думал о том же, — сказал Монтгомери. — Есть моя комната с наружной дверью…

— Вот именно, — быстро согласился пожилой, взглянув на Монтгомери, и все трое мы двинулись к ограде.

— Мне жаль, мистер Прендик, что приходится окружать всё это тайной, но не забывайте: вы здесь незваный гость. Наше скромное заведение хранит секрет-другой, вроде комнаты Синей Бороды. Ничего особенно страшного, право, для человека здравомыслящего; но пока мы вас не знаем…

— Разумеется, — сказал я. — Я был бы глупцом, если бы обиделся на недостаток доверия.

Он тяжело, одним уголком рта, улыбнулся (из тех мрачных людей, у которых улыбка тянет губы вниз) и поклонился, благодаря меня за уступчивость. Мы миновали главный вход — тяжёлые деревянные ворота, окованные железом и запертые, а перед ними громоздился груз с баркаса, — и на углу подошли к маленькой дверце, которой я раньше не замечал. Седовласый достал из кармана засаленной синей куртки связку ключей, отпер дверь и вошёл. Эти ключи и тщательность, с которой он запирал помещение, даже когда оно оставалось у него на виду, показались мне странными. Я последовал за ним и очутился в небольшой комнате, обставленной просто, но не лишённой уюта. Внутренняя дверь, чуть приоткрытая, вела в мощёный двор; Монтгомери тотчас её притворил. В тёмном углу был подвешен гамак, а маленькое окно без стекла, перечёркнутое железным прутом, смотрело на море.

Седовласый объявил, что здесь будут мои покои, а внутреннюю дверь он «на случай неприятностей» станет запирать с той стороны, и она обозначит границу, дальше которой мне ходить нельзя. Он обратил моё внимание на удобное парусиновое кресло у окна и на ряд потрёпанных книг на полке возле гамака — главным образом, как я вскоре убедился, хирургические трактаты и латинские и греческие классики (читал я на этих языках с трудом). Потом он вышел через наружную дверь, словно не желая лишний раз отпирать внутреннюю.

— Обедаем мы обычно здесь, — сказал Монтгомери и, будто в сомнении, вышел следом. До меня донёсся его оклик: «Моро!» — и в тот миг я, кажется, не придал ему значения. Но когда я стал перебирать книги на полке, меня вдруг осенило: где я уже слышал это имя — Моро? Я сел у окна, достал остатки сухарей и съел их с отменным аппетитом. Моро!

За окном мелькнул один из этих странных людей в белом: он волок по берегу ящик, пока оконная рама не скрыла его. Позади щёлкнул ключ в замке. Немного погодя сквозь запертую дверь донёсся шум собак, которых теперь привели с берега. Они не лаяли, а как-то непривычно принюхивались и рычали. Я различал частый топот лап и успокаивающий голос Монтгомери.

Меня сильно поразила эта тщательная скрытность двух людей в отношении всего, что делалось в здешнем заведении. Я долго думал о ней и о необъяснимой знакомости имени Моро, но память человеческая причудлива, и связать это известное имя с нужным событием я тогда не сумел. Оттуда мысли перекинулись к необъяснимой странности уродливого человека на берегу. Я не видел ещё ни такой походки, ни таких диковинных движений, как у него, когда он тащил ящик. Я припомнил, что никто из этих людей не заговорил со мной, хотя почти каждый хоть раз взглянул на меня — украдкой и как-то странно, совсем не так, как открыто таращится простодушный дикарь. Все они и в самом деле казались необыкновенно молчаливыми, а если и говорили, то голоса у них были жуткие. Что с ними такое? И тут я вспомнил глаза неуклюжего слуги Монтгомери.

Едва я о нём подумал, как он вошёл. Теперь на нём было белое, а в руках небольшой поднос с кофе и варёными овощами. Когда он, любезно склонившись, поставил поднос передо мной на стол, я с трудом подавил содрогание. А потом изумление просто парализовало меня. Из-под его жидких чёрных прядей вдруг выскочило ухо — прямо перед моим лицом. У этого человека были острые уши, покрытые тонким бурым мехом!

— Ваш завтрак, сэр, — сказал он.

Я уставился на его лицо и не нашёл, что ответить. Он повернулся и пошёл к двери, странно косясь на меня через плечо. Я проводил его взглядом, и в этот миг, по какому-то странному трюку бессознательной работы мозга, в голове у меня всплыла фраза: «Лощины Моро»… так, что ли? «Моро…» Ах! Память унесла меня на десять лет назад. «Ужасы Моро!» Фраза мгновение плавала в уме, а затем я увидел её красными буквами на маленькой серовато-жёлтой брошюре, от одного чтения которой пробирала дрожь. Тогда я отчётливо вспомнил всё. Давно забытая брошюра вернулась ко мне с поразительной живостью. Я был тогда совсем мальчишкой, а Моро, полагаю, было около пятидесяти — известный, властный физиолог, знаменитый в научных кругах необычайным воображением и беспощадной прямотой в спорах.

Тот ли это Моро? Он опубликовал несколько весьма поразительных фактов о переливании крови и, как говорили, вёл ценную работу над злокачественными опухолями. Потом его карьера вдруг оборвалась, и ему пришлось покинуть Англию. Один журналист проник в его лабораторию под видом лаборанта с заранее обдуманным намерением сделать сенсационные разоблачения, и по ужасной случайности (если это была случайность) его омерзительная брошюра получила скандальную известность. В день её выхода из дома Моро сбежала несчастная собака, заживо освежёванная и иным образом искалеченная. Дело было в мёртвый сезон, когда газетам нечем заполнять колонки, и один видный редактор, двоюродный брат временного лаборанта, воззвал к совести нации. Не впервые эта совесть восставала против методов исследования. Доктора попросту выжили из страны воплями. Быть может, он этого и заслуживал; но я по-прежнему считаю постыдной ту вялую защиту, которую он получил от коллег-исследователей, и то, что от него отвернулась большая часть учёного мира. И всё же некоторые из его опытов, если верить рассказу журналиста, были бессмысленно жестоки. Он мог бы купить себе общественный покой ценой отказа от своих изысканий, но, по-видимому, предпочёл изыскания — как предпочло бы большинство людей, однажды подпавших под всевластные чары науки. Он был холост и должен был считаться только с самим собой.

Я не сомневался: это тот самый человек. Всё на это указывало. Мне стало ясно, для чего предназначались пума и прочие животные, которых теперь вместе с остальным багажом перевели в огороженный двор позади дома; и какой-то слабый, странный запах, дыхание чего-то знакомого, державшийся до сих пор где-то на задворках сознания, вдруг выступил на первый

план. Это был антисептический запах прозекторской. Сквозь стену донеслось рычание пумы, и одна из собак взвизгнула, словно её ударили.

И всё же, думалось мне, даже для другого учёного в вивисекции нет ничего столь ужасного, чтобы оправдать такую скрытность; и по какому-то странному скачку мысли острые уши и светящиеся глаза слуги Монтгомери вновь встали передо мной с резкой отчётливостью. Я смотрел на зелёное море, пенившееся под свежеющим бризом, и позволял этим и другим странным воспоминаниям последних дней гоняться друг за другом в моём сознании.

Что всё это могло значить? Запертая ограда на пустынном острове, печально известный вивисектор — и эти увечные, уродливо искажённые люди?

VIII

КРИК ПУМЫ

Около часу дня Монтгомери прервал клубок моих недоумений и подозрений. Следом за ним вошёл его уродливый слуга с подносом, на котором стояли хлеб, зелень и прочая снедь, фляжка виски, кувшин воды, три стакана, лежали ножи. Я искоса глянул на это странное существо и поймал на себе его беспокойный, диковинный взгляд. Монтгомери сказал, что позавтракает со мной, а Моро так занят работой, что прийти не сможет.

— Моро! — сказал я. — Это имя мне знакомо.

— Какого чёрта вы его знаете! — воскликнул он. — Каким же я был ослом, когда обмолвился о нём при вас! Мог бы сообразить. Впрочем, неважно: это даст вам некоторое представление о наших… тайнах. Виски?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.